

МЕЖДУ ВСЕОБУЧЕМ И ПОЛИТПРОСВЕТОМ: СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛЫ-УЧЕБНИКИ 1930–1932 гг.

АННА СЕНЬКИНА

Среди многочисленных и, как правило, утопических идей, которыми фонтанировала послереволюционная школьная педагогика вплоть до начала 1930-х гг., было издание журналов-учебников. Это явление, яркое и чрезвычайно показательное в контексте эпохи, до сих пор остается на периферии научного знания¹. Причины тому кроются, с одной стороны, в краткосрочном и экспериментальном характере этого проекта в истории советской школы и учебных книг, о котором быстро забыли. С другой стороны — в гибридной природе этих изданий: занимая промежуточное положение между учебным пособием и периодическим изданием, журналы-учебники оказались равно маргинальным предметом как для исследователей школьных учебников, так и для историков детской журналистики — в тех редких случаях, когда о них вообще знали. В книге Л. Н. Колесовой «Детские журналы советской России 1917–1977», наиболее полном справочно-энциклопедическом издании о советской периодике для детей, отдельных статей удостоились лишь шесть из 30 выходявших в начале 1930-х гг. изданий с таким подзаголовком². Там же в общей статье «Журналы-учебники» автор сообщает, что их появление было

попыткой заменить стабильный школьный учебник журналом, который должен был давать самый свежий материал по изучаемым предметам. Журналы-учебники издавались в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Симферополе, Хабаровске и многих других городах страны. Каждая редакция делала их по собст-

¹ Единственная работа, специально посвященная журналам-учебникам, — небольшая статья, опубликованная автором этих строк несколько лет назад [Сенькина 2012: 60–91].

² «Дружная бригада», «Дружно за учебу», «Школьная бригада», «Юные строители», «Юные ударники» и «Юные ударники Крыма» [Колесова: 40, 115, 119, 121].

венному разумению, технический уровень очень низок, выход в свет и доставка часто задерживались, что лихорадило работу школы [Колесова: 50].

Эта характеристика не только практически ничего не сообщает нам о характере и наполнении журналов-учебников, но и содержит серьезные неточности: во-первых, в эти годы никаких стабильных учебников еще не существовало — позже, наоборот, они заменили собою все другие виды школьных учебных изданий, во-вторых, задачи, предписанные журналам-учебникам и их статус в школьной практике определялись неоднозначно, к тому же менялись от года к году, о чем, в частности, пойдет речь в этой статье.

В поисках формы нового учебника

Разнообразие появляющихся в первое десятилетие советской власти видов изданий школьных учебников было прямым следствием экспериментов, проводившихся в области школьного образования³. В 1918 г. вместо дореволюционной системы начальных и средних училищ была провозглашена единая трудовая школа, прежние методы обучения были признаны исключительно «словесными» и потому неправильными, главным средством получения знаний объявлялось трудовое обучение, при котором приобретение знаний и умений должно было осуществляться на практике, в том числе и в процессе непосредственного участия школьников в трудовой деятельности [Основные принципы]. Логика этой радикальной педагогической реформы предопределила тезис о несоответствии школьного учебника в его прежних формах задачам и методам новой школы.

Идея периодического и постоянно обновляемого учебника впервые появилась на страницах педагогической печати [Шульгин: 28–32] после введения в 1924 г. «метода комплексного преподавания», который предполагал изучение со школьниками не отдельных дисциплин, а явлений и процессов окружающей их жизни с точки зрения различных наук, т. е. в «комплексе» (см.: [Чехов: 34–38; Каменев 1925: 66–84]). Это предполагало отмену предметного преподавания, вместо которого вводилось изучение тематических модулей «человек», «природа» и «труд», что, в свою очередь, послужило стимулом к пересмотру не только содержания, но и самого устройства учебников. Клавдия Тимофеевна Свердлова, член научно-

³ Подробнее об учебных книгах для начальной школы в первые послереволюционные десятилетия см.: [Сенькина 2008: 26–47].

педагогической секции ГУСа⁴, активная участница дискуссий о новом советском учебнике и автор-составитель нескольких советских книг для чтения⁵, в докладе «О работе ГИЗ'а над учебником», прозвучавшем в 1926 г. на первой Всероссийской конференции по учебной книге, отмечала: «Характер учебника определяется требованиями новой школы: не только уметь объяснять окружающую жизнь (это делала и старая школа), но и подготовить ребят к работе над переустройством жизни» [Свердлова 1926: 3]. Поскольку учителем и учебником для подрастающего поколения должна была стать сама жизнь, то учебнику-книге отводилась роль помощника в процессе «учебы-работы» (противопоставлявшейся «учебе-чтению»), а также в деле воспитания каждого ребенка активным участником строительства нового государства.

Во второй половине 1920-х гг. на страницах педагогической печати появляется ряд новаторских предложений о форме нового учебника. Например, на смену «книге для чтения» предлагалось издавать «книги для работы» или «рабочие книги». К. Н. Соколов, один из активных сторонников создания нового учебника 1920-х гг., в статье «Какой должна быть книга для чтения при новых программах ГУС'а» писал:

Сопоставляя систему объяснительного чтения с современными методами педагогической работы в школе, ясно видно, что с системой, концентрации школьной работы вокруг книги для чтения мы покончили окончательно. <...> Свободная речь ребенка, непосредственно вытекающая из его жизни и деятельности, запись собственных переживаний и мыслей и свободное чтение ребенком цельных книг из библиотеки — вот что является главным методом, при помощи которого у детей развивается язык, любовь к книге и умение ею пользоваться. <...> Так в настоящее время совершенно очевидно, что в связи с крутым переломом во всей структуре школы и методах педагогической работы старая дореволюционная книга для чтения не может быть пригодной для работы в новой школе. Как таковая, книга для чтения должна умереть вместе со школой ее породившей. И тем не менее все же без книги для чтения или, точнее, без специальной рабочей книги новая школа обойтись не может <...> [Соколов: 33–34].

⁴ Научно-педагогическая секция ГУСа (Государственного ученого совета) была структурным подразделением Наркомата народного просвещения с 1919–1933 гг., в ее ведении находилась разработка и утверждение учебных планов, программ и учебных пособий для начальной, средней и высшей школы.

⁵ «Смена: первая и вторая книги для чтения» (1924–1926) и «Советские ребята: Общекомплексная рабочая книга для I года обучения в городской школе» (1928) [Свердлова 1924; Свердлова 1928].

Наряду с проектом замены учебников рабочими книгами, который был реализован в 1925–1931 гг., получила распространение идея издания «краеведных» или «краевых» книг для школ. Научный сотрудник Института методов школьной работы Ф. Новоселов в сборнике «Советской школе новый учебник» за 1926 г. писал:

...Интересы правильной постановки работы на 3 году требуют создания рабочей книги для 3 года обучения, книги местного характера, книги краеведной. Каковы особенности этой книги? Так как 3 год посвящается изучению местного края, притом в довольно значительной степени путем непосредственного изучения (деревня, город), то основное назначение рабочей книги помочь организовать изучение местного края <...> [Новоселов: 41].

В пользу идеи «местных» учебников высказывался и директор упомянутого института А. Е. Шейнберг:

Одним из самых популярных, но в то же время наименее расшифрованных лозунгов является в настоящее время лозунг о создании местной учебной книги. Называют эту книгу краеведческой, краевой, районной. Дело не в названии. Речь идет, очевидно, о книге, которая в наибольшей мере была бы приспособлена к местным условиям и помогала бы школе соответственно этим местным условиям организовать свою учебную и воспитательную работу [Шейнберг: 51].

Еще одной попыткой заменить старый учебник новым по форме и содержанию стало издание «подвижных хрестоматий». В частности, член научно-педагогической секции ГУСа А. Александров в журнале «Народный учитель» писал в 1926 г., что

за последнее время появляются на книжном рынке подвижные хрестоматии, вернее — ряд мелких брошюр соответственно темам комплексов, вложенных в одну обложку. Начало здоровое, но нельзя возлагать больших надежд на эти сборники, так как, включая в себя определенные статьи, выбранные по желанию составителя, они не могут все равно удовлетворить литературой всех сторон школьной работы [Александров: 35]⁶.

В том же 1926 г. в статьях Семена Алексеевича Каменева⁷ «О новом учебнике» [Каменев 1926: 19] и Ивана Ивановича Руфина⁸ «Литература для работы школьника» [Руфин: 38–39] впервые прозвучала и идея периоди-

⁶ Заметим, что издание «подвижных хрестоматий» идея не новая, во второй половине XIX в. в связи с распространением народных школ издатели уже пытались издавать учебники в виде нескольких дешевых брошюр, которые ученик покупал последовательно в течение года.

⁷ Ведущий специалист по теории и истории педагогики начала 1930-х гг. — научный сотрудник ЦНИИ начальной школы, автор первых «рабочих книг» для Северо-Кавказского края.

⁸ Преподаватель педагогического факультета Ярославского государственного университета.

ческого учебного издания — «журнала-учебника», «газеты-учебника» или «рабочей библиотеки».

... Чрезвычайно важно давать школьникам свежий материал, —

писал И. И. Руфин, —

и здесь выплывает вопрос о форме книги по содержанию и структуре — давать ли школьнику одну–две–три рабочих книги, включающих весь годовой курс с фиксированным расположением материала, или давать ему рабочую библиотеку, которая представлена более или менее обширной группой книг и отличается подвижностью? Наряду с рабочей книгой и рабочей библиотекой выдвигаются рабочая газета и рабочий журнал. Что лучше, что сильнее, как орудие производства, что экономнее? [Руфин: 39].

Однако тогда это предложение не получило широкой поддержки в педагогическом сообществе⁹.

Предлагая разные варианты изданий, участники дискуссии о том, каким быть новому школьному учебнику, сходились в одном: содержание учебной книги должно в каждый момент соответствовать современности, информировать школьника о значимых событиях, об успехах и проблемах страны, транслировать и разъяснять текущий политический курс. Некоторые из этих предложений тут же подхватывались составителями, и новые учебные книги выходили из печати: так, широкое распространение получили «рабочие» и «краевые» книги; другие — в том числе «журнал-учебник» и «газета-учебник» — на тот момент оставались без движения.

Периодический учебник для школы реконструктивного периода

В 1928 г. в СССР усиливается централизация власти, начинается радикальная перестройка экономики и объявляется о начале первой пятилетки, в число основных задач которой входили форсированная индустриализация и массовая коллективизация, что имело прямые последствия и в сфере образования. В 1930 г. Наркомпрос объявил курс на «политехнизацию школы». Это означало, что теперь труд как основная форма обучения должен быть обязательно связан с производством, для чего всем школам предписывалось заключать договоры с предприятиями: заводами, колхозами и т. п.¹⁰

⁹ Подробнее о дискуссии вокруг журнала-учебника, продолжавшейся от появления идеи до ее воплощения, см.: [Сенькина 2012: 72–74].

¹⁰ См. подробнее: [Пистрак: 4–5].

В 1929 г. А. В. Луначарский был отправлен в отставку и новым народным комиссаром просвещения назначен бывший заведующий Отделом агитации и пропаганды (1922–1924), начальник Политического управления РККА и ответственный редактор газеты «Красная звезда» А. С. Бубнов [Институты управления: 29, 137]. Назначение нового наркома и реструктуризация Наркомпроса совпали с началом очередного социально-экономического эксперимента — переходом предприятий страны в 1929 г. на непрерывную рабочую неделю. В рамках этой кампании предполагался и переход школ на «непрерывную учебную неделю» и «непрерывный учебный год»¹¹, что также требовало от Наркомпроса предоставления новых учебных материалов — программ и учебников. В этих условиях вновь обретает актуальность идея создания динамичного учебного пособия, постоянно обновляемого и дополняемого издания, в каждый момент отражающего актуальное состояние не только народного хозяйства и общества, политическую и идеологическую повестку страны, но и текущие изменения единой трудовой школы: переход к «политехническому обучению» и введение непрерывной учебной недели и непрерывного учебного года.

Инициатором издания такого гибкого периодического учебника выступило Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) в лице своего заведующего, заместителя Наркома просвещения РСФСР Моисея Соломоновича Эпштейна. В письме к Госиздату от 10 января 1930 г. он писал:

Новые требования реконструктивного периода ставят перед нами вопрос о радикальном пересмотре ныне действующих программ школы, а, следовательно, и учебников и учебных пособий. <...> Мы поэтому еще месяца два тому назад решили приступить к изданию периодического органа «журнала-учебника», особенно для учащихся пионерского возраста, с тем, чтобы этим журналом-учебником дополнять стабилизированные учебники злободневным материалом. Таким образом мы, по существу, на будущий учебный год будем иметь совершенно обновленный портфель учебников, а на 1931/32 год этот обновленный портфель учебников подвергнется вновь радикальному обновлению. Все это вызывает нарекания со стороны рабочих и батрацко-бедняцкой части деревни, которые этим самым вынуждаются к частой покупке новых учебников. Мы, однако, полагаем, что здесь мы не можем идти на стабилизацию учебника и этим самым на фактическое искажение педагогической работы в школе. Мы здесь должны держаться другой линии: добиваться во что бы то ни стало бес-

¹¹ Подробнее о введении «непрерывки» в школе см. статьи: [Соболева: 7–9; Г. В.: 20; Гинзбург: 21].

платного снабжения учебниками детей рабочих, колхозников, бедняков и батраков [Эпштейн: 28].

Первый журнал-учебник был напечатан посреди учебного года в Ленинграде: в конце марта 1930 г. вышел первый номер «Юных ударников» для 3-х и 4-х групп школ I ступени. С небольшим отставанием в апреле 1930 г. в Новосибирске началось издание журнала-учебника для тех же лет обучения под названием «Юным строителям Сибири».

В августе 1930 г. Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров СССР было принято «Постановление о всеобщем начальном обязательном обучении» (всеобуч), в котором говорилось, что

для успешного социалистического строительства необходимо в кратчайший срок изжить культурную и техническую отсталость широких масс трудящихся. Эта задача не может быть разрешена без введения всеобщего начального обязательного обучения. <...> Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза ССР обращают внимание всех центральных и местных органов власти на то, что всеобщее начальное обучение является важнейшей политической задачей ближайшего времени¹².

Введение всеобуча не только стало одной из главных тем осенних номеров 1930 г., но и обусловило постоянный рост количества самих журналов-учебников, в частности издаваемых «на местах». К началу нового 1930–1931 учебного года начали регулярно выходить «Маленькие ударники» и «Юные ударники» — в Ленинграде, «Колхозный авангард», «Кузница кадров» и «Школьная бригада» — в Москве, «Юные ударники Крыма» — в Симферополе, «Красный маяк» — в Хабаровске, в течение следующего, 1931/1932, учебного года к ним прибавились «Костер» — в Ростове-на-Дону, «Журнал-учебник» — в Самаре, «Учимся по-новому» и «Юные строители» — в Смоленске и другие новые издания. В общей сложности в период с марта 1930 по июнь 1932 гг., с различной продолжительностью по всему СССР издавалось более 30 ежемесячных журналов-учебников для средней семилетней школы (включая школы колхозной молодежи и фабрично-заводские семилетки).

Судя по реакциям на страницах педагогической периодики, в сборниках и брошюрах, посвященных проблемам советской школы и учебной литературы, проект издания учебников нового типа уже на первом году его существования расценивался как успешный и многообещающий. Объясняя

¹² Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. / http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm (Дата обращения: 30.10.2017).

взрывной рост числа подписчиков первого журнала-учебника «Юные ударники», сотрудник Ленинградского отделения Госиздата С. Б. Асиновский писал:

И это потому, что была найдена счастливая форма нового учебника, пока еще далекого от совершенства, но обеспечивающего реальное вовлечение детей-школьников в повседневную борьбу за социализм. Безотносительно к тому, в каком направлении будет развиваться журнал «Юные ударники», уже теперь становится несомненным, что в школу внедряется совершенно новый тип учебного пособия, призванный в значительной мере перевооружить ее новыми средствами воспитания [Асиновский: 22].

Кем и из чего делались журналы-учебники

Редакция ленинградских журналов-учебников для первых четырех групп школы-семилетки — «Октябрята», «Маленькие ударники», «Юные ударники» и «Большевистская смена» — была организована при детском отделе Ленгиза. Эти издания, по-видимому, имели статус «центральных»: они были рассчитаны на распространение не только в самом Ленинграде, но и в других регионах страны, и потому не содержали какой-либо выраженной местной специфики. На их страницах в равной мере рассказывалось об успехах и достижениях Путиловского завода и постройке «громальных» тракторных заводов в Сталинграде, Челябинске, Харькове, Ростове-на-Дону, а для школьников Ленинградской области к этим журналам-учебникам печатались отдельные «краевые» приложения.

В редакцию ленинградских журналов-учебников вошли педагоги и методисты, уже имевшие опыт составления учебных пособий и/или активно участвовавшие в дискуссии о форме советского учебника с середины 1920-х гг.: О. А. Волжина, Б. П. Есипов, П. Н. Жулев, Р. И. Млиник, В. В. Морозов¹³, возглавила ее уже упоминавшаяся К. Т. Свердлова.

Редакционное помещение располагалась на Невском проспекте (тогда — проспект 25-го Октября) в здании Дома книги, где к этому времени разместилась редакция детских журналов «Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941). По-видимому, такое соседство не в последнюю очередь повлияло на состав авторов: в «Октябрятах», «Маленьких ударниках» и «Юных ударниках» были впервые опубликованы — а значит, для них и написаны — многие произведения авторов и членов редакции «Чижа» и «Ежа» А. Вве-

¹³ См. их работы: [Волжина; Есипов 1924: 7–10; Есипов 1930: 35–45; Жулев 1928а: 20–25; Жулев 1928б; Млиник 1925; Млиник 1927; Морозов: 15–17].

денского, Д. Хармса, М. Ильина, С. Маршака, Е. Шварца (причем некоторые из этих текстов никогда впоследствии не перепечатывались в других изданиях). К оформлению журналов-учебников привлекались молодые художники-авангардисты, также работавшие и для «Чижа» и «Ежа», — В. Лебедев, Ю. Великанов, Е. Чарушин, Н. Травин, Г. Фитингоф.

Похожая конфигурация сложилась и в редакции московских журналов-учебников «Мальши ударники», «Октябрюта на учебе» и «Школьная бригада», где ответственным редактором был бывший заведующий Главсоцвосом, а позднее член ГУСа и заместитель начальника Управления высшей школы Наркомпроса Оттон Людвигович Бем, в состав редакции вошли известные в то время педагоги Е. А. Адамович, В. И. Борисова-Потоцкая, Т. Радуцкая, Е. С. Яблонская¹⁴, регулярными авторами стали С. Маршак, Л. Кассиль, А. Барто, В. Бианки, С. Михалков, Лина Нейман.

Иными словами, изданием журналов-учебников в столицах занимались весьма заметные сотрудники учреждений Наркомпроса, авторитетные педагоги, опытные авторы учебных книг, а тексты для них сочиняли лучшие детские писатели.

Содержание ленинградских и московских журналов-учебников было по большей части оригинальным, и лишь иногда в них перепечатывались уже известные произведения, например, стихи В. Маяковского¹⁵ или Демьяна Бедного¹⁶. Содержание региональных изданий в этом отношении заметно отличалось: редакции этих журналов-учебников очевидно испытывали дефицит материала, в особенности художественного, и на их страницы попадало значительно меньше текстов, написанных специально для очередного номера. Составители то и дело перепечатывали рассказы и стихотворения из центральных журналов-учебников, пионерских журналов, школьных «рабочих книг», местных газет и других источников. Например, в февральском выпуске выходившего в Самаре «Журнала-учебника» за 1932 г. было напечатано стихотворение Даниила Хармса «Влас и Мишка»¹⁷, уже опубликованное в сентябре 1931 г. в «Октябрютах», а в других номерах того же издания встречаются стихи А. С. Пушкина¹⁸ и популярно-

¹⁴ См. работы: [Адамович, Яблонская; Радуцкая: 5–7].

¹⁵ «Мы вас ждем, товарищ птица...» [Мальши ударники. 1932. № 3 (апрель)] и «Урожайный марш» [Колхозный авангард. 1931. № 2–3 (январь–февраль)].

¹⁶ «Красноармеец в колхозе» [Юные ударники. 1930. № 1 (март)] и «Май» [Маленькие ударники. 1932. № 8 (апрель)].

¹⁷ «Журнал-учебник» для 1-го года обучения Средневолжского края [1932. № 2 (февраль)].

¹⁸ «Буря» [«Буря мглою небо кроет...»] («Журнал-учебник» для 2-го года обучения Средневолжского края [1932. № 1 (январь)]).

го до революции детского поэта И. Белоусова¹⁹. Заметим, что если редакционная установка столичных журналов-учебников публиковать только «свежие» материалы характерна для периодических изданий, то компилятивная стратегия, которую чаще использовали провинциальные редакции, типична для школьных учебников, в частности для так называемых книг для чтения.

Журналы-учебники как журналы

По своей структуре и содержанию журналы-учебники 1930–1931 гг. были ориентированы на модель периодического издания. Каждый номер представлял собой небольшой сборник (от 30 до 68 страниц) информационных и агитационных текстов различной формы — от производственных сводок до стихотворений. В основном это заметки, информирующие о последних достижениях пятилетки, о ходе антирелигиозной и антиалкогольной кампаний, об индустриализации и коллективизации. Практически в каждом выпуске публиковались статьи о создании колхозов, строительстве заводов и фабрик, рассказы об октябрятах и пионерах, сообщения о вредителях на производстве и кулаках, новости из-за границы и рассказы о жизни в капиталистических странах. Заметное место среди других материалов в журналах-учебниках занимала свежая информация о выполнении промфинплана: в большом количестве были представлены диаграммы, схемы, таблицы, иллюстрирующие увеличение числа фабрик, заводов и колхозов, рост производства чугуна и стали, добычи нефти, урожая зерна и поголовья скота. Все эти многочисленные цифры снабжались комментариями об успехах страны в текущий год первой пятилетки по сравнению с царским временем, по сравнению с США и с прошлым годом.

На страницах журналов-учебников освещались и текущие решения партийных съездов, политические лозунги, кампании и события. Например, в «Маленьких ударниках» [1931. № 9–10 (май–июнь)] для 1 группы, то есть фактически для 1-го класса, была напечатана статья Е. Капланского «За что их судили?», в которой рассказывалось о только что прошедшем в марте суде над меньшевиками, а в майском номере «Колхозного авангарда» [1931. № 6 (май)] приведены выдержки из постановления ЦК ВКП(б) «Вплотную к хозяйственному укреплению колхозов» и т. д.

¹⁹ «Пришла весна, пришла красна...» [«Журнал-учебник» для 1-го года обучения Средне-волжского края. 1932. № 4 (апрель)], ранее публиковалось в авторском сборнике «Ласточки» (1907).

В целом набор тем и сюжетов, определявших наполнение журналов-учебников, был тем же, что и в большинстве пионерских журналов того времени, которые, как справедливо пишет А. И. Алексеева, «были рассчитаны на активное воспитание читателей», «призваны были объединять детей, руководить их работой, учебой, жизнью, убеждать в правоте и значительности того, что делали взрослые, пробуждать интерес к общественной работе, к участию в жизни страны» [Алексеева: 62].

Подобно другим журналам того времени, журналы-учебники постоянно подталкивали своих читателей к диалогу с редакцией. Как правило, в конце номера печаталось обращение к подписчикам, в котором редакция просила присылать отзывы об материалах журнала-учебника и собственные сочинения:

Школьники! Мы в журнале нарисовали много картинок. Мы напечатали стишки, рассказы, указали, какую работу вам делать. Но мы не знаем, понравились ли вам наши рассказы, стишки и картинки. Напишите нам об этом. Адрес наш такой: **Ленинград, проспект 25 октября, дом 28, редакция «Маленьких ударников»**²⁰. Если хотите о чем-нибудь нас спросить, пишите. Мы будем вам отвечать. А теперь слушайте нас хорошенько. **Сочиняйте сами рассказы и стишки** и присылайте нам. **Рисуйте картинки** и присылайте нам. **Пишите отчеты** о вашей работе и посылайте нам. Мы все интересное, что вы пришлете, напечатаем в журнале. Пишите же! Мы ждем²¹.

Кроме того, школьникам настойчиво предлагалось сообщать о ходе политехнизации школы, о проблемах в организации учебного процесса: «Ребята! Связаны ли вы с производством? Заключены ли у вас договоры? Как вы помогаете своему производству бороться за выполнение промфинплана? Пишите в журнал о связи вашей школы с производством»²²; «Школьники! Сообщите журналу: Как идет у вас политехнизация школы? Как вами принято наше предложение? Как началась учеба, есть ли неполадки и перебои?»²³.

Помимо призывов писать в редакцию почти каждая статья в учебнике-журнале сопровождалась вопросами для обсуждения в классе, а также заданиями и указаниями, что необходимо сделать, при этом многие из них направляли учеников за пределы школы — в семью, в деревню, на предприятие. Например, в «Юных строителях Сибири» после рассказа о кулаке «Дыбину не удалось» предлагаются вопросы: «Как проходило обоб-

²⁰ Здесь и далее полужирный шрифт — в соответствии с оригиналом.

²¹ Маленькие ударники. 1930. № 1 (сентябрь). С. 47.

²² Красный маяк. 1931. № 3 (январь).

²³ Кузница кадров. 1930. № 1 (сентябрь).

ществование скота в Вашем колхозе. Не известны ли Вам случаи, когда крестьяне при вступлении в колхоз уничтожали скот. Боролись Вы с этим или нет?» Далее следует антирелигиозный рассказ «Расскажем матерям», после которого редакция вновь обращается к читателям:

Кулаки, попы распускают клевету о колхозах. В стенгазете, дома, на общем собрании — везде разоблачайте кулацкую и поповскую клевету. Школьники, боритесь с распусканьем слухов и клеветы на ушко. Всякий известный Вам недостаток, всякое вредительское действие или ошибку в организации колхоза или организации труда в нем, смело выносите на общее собрание, пишите в стенгазете, сообщайте сельсовету и риксу, посылайте корреспонденции в окружную газету²⁴.

Подобные агитационные призывы и инструкции встречаются и в пионерских журналах, особенно заметны они начиная с 1930 г. Так, на обложке «Пионера» в 1931 г. появляется распоряжение:

ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ДОМА. САГИТИРОВАТЬ отца, братьев, родных и знакомых, чтобы они закрепились на своем производстве до конца пятилетки. Борьба за культурный быт, за гигиену (проветривать комнаты, следить за чистотой и т. д.). Изжить религиозный дурман, разоблачать поповские басни. Объяснить своим родным решающее значение третьего года пятилетки. Заключать договоры соцсоревнования с родителями или братом, работающим на производстве²⁵.

Так с первых номеров журналы-учебники воспитывали из школьников агентов пропаганды, ревизоров и обличителей, и в этом своем качестве тоже шли рука об руку с «Пионером», «Мурзилкой», «Чижом» и другими детскими журналами.

Однако следует учитывать, что детская и подростковая периодика того времени фактически была ориентирована на ограниченную и отчасти выборочную аудиторию, и в первую очередь на сегмент наиболее «сознательных» школьников — пионеров, количество которых росло из года в год, но к началу 1930-х гг. еще далеко не составляло большинства. В то же время журналы-учебники, имевшие статус школьной учебной книги, попадали в разряд общего и почти неизбежного чтения как для школьников, так и для школьных учителей. Если фактически журналы-учебники и не доходили до каждого из них, то со временем должны были охватить всех школь-

²⁴ Юным строителям Сибири. 1930. № 1 (апрель).

²⁵ Пионер. 1931. № 1 (январь).

ников страны — а это значило, учитывая мощную кампанию всеобуча, всех без исключения советских детей.

Этот масштаб, конечно, несопоставим с тем, на который могла претендовать тогдашняя детская периодика. Напомним, что суммарное количество всех центральных и региональных журналов-учебников, выходивших на территории РСФСР, составило 30 наименований, что в три раза превышало число издававшихся в стране в этот период обычных, не учебных журналов для детей и подростков²⁶. Установка на максимально широкий охват советских школьников обязательным чтением журналов-учебников подтверждается и их тиражами, которые значительно превосходили тиражи любого из детских журналов тех лет. К примеру, уже первый номер «Юных ударников» (3–4 гр.) в марте 1930 г. вышел тиражом в 100 000 экземпляров, следующие, апрельский и майский, номера увеличили тираж в три раза — до 300 000 экземпляров, а начиная с октября этот журнал-учебник стал выходить тиражом 500 000 экземпляров. Для сравнения: «Пионер» с 1930 по 1934 г. увеличил число экземпляров от 20 000 до 50 000, «Еж» с 1927 по 1929 гг. издавался в количестве от 100 000 до 125 000, а самый массовый детский журнал «Мурзилка» в 1930 г. печатался в 200 000 экземплярах.

Можно уверенно говорить о том, что издание журналов-учебников в начале 1930-х гг. стало крупнейшим советским проектом в области детской и подростковой журналистики. Посредством журналов-учебников, предназначенных для использования в школе, в стране фактически совершалась тотальная институционализация чтения периодики: всех советских детей школьного возраста приучали к регулярному чтению журналов и иницилируемым ими специфическим форматам социальной активности и интерактивности.

Журналы-учебники как учебники

Итак, каждый выпуск журнала-учебника представлял собой нечто вроде «блокнота агитатора» — небольшой сборник тематически подобранных публицистических и художественных материалов по всем основным направлениям текущей государственной пропаганды. В них изначально полностью отсутствовали учебные материалы, такие как правила и упражнения по арифметике, чтению и грамматике, общие сведения об окружающем мире, изучение которых входило в курс школ I ступени, равно как не было и

²⁶ Ср. хронологический указатель в кн. А. Колесовой: [Колесова: 130].

данных по биологии, географии, истории или объяснения законов физики или химии в изданиях для школ II ступени. Являясь школьными учебными пособиями, журналы-учебники совершили радикальный сдвиг от образовательного наполнения к информационно-пропагандистскому: фактически они были направлены на решение задач не столько всеобщего обучения, сколько политического просвещения школьников всей советской страны.

Надо сказать, что само по себе внедрение в школьные книги текстов воспитательного, в том числе идеологического и политического характера, разумеется, не было чем-то совершенно новым ни для советских, ни для дореволюционных российских учебников. Исключительное место журналов-учебников в истории российского учебного книгоиздания не в пропаганде как таковой, а в том, что они стали первым — и остались единственным — опытом создания школьных учебников, которые не ориентировались на предшествующие образцы учебных пособий, не воспроизводили их устоявшиеся композиционные модели, тематические блоки, типы текстов и заданий. Даже если говорить о первом десятилетии советской власти со свойственным ему пафосом радикального обновления, то после того как в 1918 г. провалилась идея полного отказа от учебника и он был реабилитирован в школе уже с 1919 г., все последующие попытки создать новый советский учебник шли по пути модификации сперва дореволюционных, а затем и первых советских книг для чтения. Новации в каждом новом поколении учебников касались в основном содержания текстов, но не структурных и прагматических характеристик книги. Даже попытка создания взамен книг для чтения для начальной школы совершенно нового, казалось бы, вида учебного пособия — рабочих книг, предпринятая в рамках борьбы с так называемой «словесной школой» и введения комплексного метода обучения, — даже это привело лишь к увеличению количества вопросов и практических заданий в учебных книгах, но не изменило их традиционной формы.

Если что-то и роднит журналы-учебники с книгами для чтения, то это так называемое «сезонно-календарное» расположение тематического материала, ставшее незыблемым композиционным принципом последних с легкой руки К. Д. Ушинского. Так, весенние номера были в основном посвящены подготовке посевных работ, проведению антипасхальной кампании и празднованию 1 мая, а, соответственно, в осенних выпусках помещались материалы о ходе уборки урожая, предстоящих и прошедших празднованиях годовщины Октябрьской революции, зимние включали в себя рассказы о Кровавом воскресенье, о Ленине и Красной армии. Но и это объясняется ориентацией не на традицию учебников для начальной школы,

а на модель периодического издания, использование которой и было призвано обеспечить максимальную «своевременность» материалов, полную синхронизацию учебника с «жизнью страны».

Создатели журналов-учебников не пытались модифицировать то, что существовало до них в сфере учебного книгоиздания. Они изначально пошли по другому пути, создавая не учебник в форме журнала, но журнал, функционирующий как учебник. Именно это сделало советские журналы-учебники уникальным прецедентом учебного издания, ломавшего все представления о форме, содержании и практиках использования школьного учебника.

Однако уже со второго года своего недолгого существования они начали изменяться и отдаляться от изначально задуманной модели, ориентированной на функцию пропагандистского сопровождения школьного образования. Постановление ЦК ВКП(б) от 5-го сентября 1931 г. возвращало в школу преподавание по предметам и постоянное расписание взамен комплексных лабораторных методов [Директивы: 166–167]. Журналы-учебники еще оставались в ходу и по-прежнему позиционировались как наиболее своевременная форма учебной книги, но их назначение становилось двойственным и в большей степени соответствующим их двойному названию: теперь они должны были стать не только просветительско-пропагандистским, но и образовательным инструментом. В марте 1932 г. А. Гноев в статье «Журналы-учебники — на службу новым программам» писал:

Требования, предъявляемые школе новыми проектами программ Наркомпроса, с бьющей в глаза очевидностью показывают, что учебник, которым пользовалась до сих пор школа, не является более боевым орудием. Он не обеспечивает ни системы знаний, ни новых методов работы. Заменить основной учебник на данный отрезок времени должен журнал-учебник. Мы должны предъявлять к нему те же требования, что и к основному учебнику. Мы требуем от журнала-учебника четкого отражения генеральной линии партии, в достаточной степени насыщенного вопросами соцстроительства, и подачи учебного материала в строгой системе и соответствии с программными требованиями, журнал должен обеспечить усвоение учащимися образовательного минимума [Гноев: 62–63].

В связи с этим новыми требованиями в 1931/1932 учебном году содержание и структура журналов-учебников стали заметно смещаться в сторону учебника: появились предметные рубрики «русский язык», «математика», «естествознание», «география» и т. д., в которых помещался соответствующий учебный материал. Кроме того, в начале 1932 г. с подзаголовком «журнал-учебник» вышло несколько разовых изданий, которые

представляли собой сборники учебных материалов и должны были использоваться в качестве временных учебных пособий в преддверии выхода постоянных учебников к новому 1932/1933 учебному году²⁷.

После выхода постановления ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. «Об учебниках для начальной и средней школы» [Директивы: 168], ознаменовавшего переход к системе единых для всей страны стабильных учебников, журналы-учебники прекратили существование как не обеспечивавшие систематического усвоения основ наук. Так завершился последний и, может быть, самый радикальный советский эксперимент в области формы и назначения школьного учебника.

Литература

Адамович, Яблонская: *Адамович Е., Яблонская Е., Красильников А.* Колхозные ребята: 2-й год. М., 1931. Вып. 1–2.

Александров: *Александров А.* Об учебниках в школах первой ступени // Народный учитель: ежемесячный общественно-педагогический, научно-популярный и библиографический журнал ЦК союза работников просвещения. 1926. № 3 (март).

Алексеева: *Алексеева М.* Советские детские журналы 20-х годов / Под ред. проф. А. Западова. М., 1982.

Асиновский: *Асиновский С.* За новый учебник. Л., 1930.

Волжина: Итоги всесоюзного соцсоревнования ФЗС: Доклад Цекпроса — О. А. Волжина (Доклад, сделанный на Первом Всерос. съезде по политехн. образ. 13 авг. 1930 г.). [М.], 1930.

Г. В.: *Г. В.* Непрерывка в школе и советы содействия // О наших детях. «Работник просвещения». 1929. № 9–10.

Гинзбург: *Гинзбург З.* Непрерывка и дети // О наших детях. «Работник просвещения». 1929. № 11–12.

Гноев: *Гноев А.* Журналы-учебники — на службу новым программам // За коммунистическое воспитание. М., 1932. № 3 (март).

Директивы: Об учебниках для начальной и средней школы // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: Сборник документов за 1917–1947 гг. М.; Л., 1947. Вып. 1.

Есипов 1924: *Есипов Б.* О новом учебнике // На путях к новой школе. 1924. № 3 (март).

²⁷ *Борчев А.* Журнал-учебник для третьего года обучения начальной школы. Горький, 1932; *Плетухин Н., Дертева О.* и др. Журнал-учебник для четвертого года обучения начальной школы. Горький, 1932; *Кусков П., Покусаев Е.* и др. Естествознание: Журнал-учебник для 3 года обучения начальной школы. Саратов, 1932. № 1 и др.

- Есипов 1930: *Есипов Б.* О комплекте печатных учебных пособий для школ I ступени // На путях к новой школе. 1930. № 7 (июль).
- Жулев 1928а: *Жулев П.* Это надо бы сделать (О школьной книжке газете) // Просвещение: Ежемесячный общественно-педагогический журнал Ленинградского областного отдела народного образования. 1928. № 11(23) (ноябрь).
- Жулев 1928б: Знания и навыки в сельской школе: Программы занятий и фактическое их выполнение в школах / Сост. А. Быстров, И. Грацианский, П. Жулев и др. М.; Л., 1928.
- Институты управления: Институты управления культурой в период становления 1917–1930-е гг. Партийное руководство; государственные органы управления: Схемы. М., 2004.
- Каменев 1925: *Каменев Т.* Комплексный метод и его значение // Каменев Т. Старая и новая школа (Краткий социологический очерк). Свердловск, 1925.
- Каменев 1926: *Каменев С.* О новом учебнике // Вопросы просвещения. Ростов н/Д., 1926. № 2.
- Колесова: *Колесова Л.* Детские журналы Советской России 1917–1977: учебное пособие. Петрозаводск, 1993.
- Млиник 1925: *Млиник Р.* Тезисы доклада «Реорганизация школы II-й ступени и ее место в системе народного образования». Ростов н/Д., 1925.
- Млиник 1927: *Млиник Р.* Молодая станица: Рабоче-хрестоматийная книга для 2-го года обучения / Н. Бауман, Р. Млиник, Л. Пасынков. Ростов н/Д., 1927.
- Морозов: *Морозов В.* За нового автора // Учебно-педагогическая книга. 1931. № 1 (январь).
- Новоселов: *Новоселов Ф.* Краеведная книга для 3-го года обучения // Советской школе новый учебник: Сборник № 6 / Под ред. О. Бема, К. Свердловой и В. Шульгина. М., 1926.
- Основные принципы: Основные принципы единой трудовой школы. М., 1918.
- Пистрак: *Пистрак М.* Политехнизация школы и требования к учебникам (тезисы доклада в Кабинете научной книги) // Учебно-педагогическая книга. 1931. № 1.
- Радуцкая: *Радуцкая Т.* О журналах-учебниках // За большевистский учебник. 1931. № 12 (декабрь).
- Руфин: *Руфин И.* Литература для работы школьника // Народный учитель. М., 1926. № 3 (март).
- Свердлова 1924: Смена: Первая и вторая книга для чтения / Под ред. К. Свердловой. М., 1924.
- Свердлова 1926: *Свердлова К.* О работе ГИЗ'а над учебником // Тезисы докладов на Всероссийской конференции по учебной и детской книге 8–15 мая 1926. М., 1926.
- Свердлова 1928: *Малютина А., Теряева М.* Советские ребята: Общекомплексная рабочая книга для I года обучения в городской школе / Под ред. К. Свердловой. М.; Л., 1928.
- Сенькина 2008: *Сенькина А.* Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs. новое // Учебный текст в советской школе: Сб. ст. / Сост. С. Леонтьева, К. Маслинский. СПб.; М., 2008.

Сенькина 2012: *Сенькина А.* Последний авангардный проект советской школы: журналы-учебники 1930–1932 гг. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4(7).

Соболева: *Соболева М.* Непрерывка в школе // О наших детях. «Работник просвещения». 1929. № 7–8.

Соколов: *Соколов К.* Какой должна быть книга для чтения при новых программа ГУС'а // Народный учитель. 1925. № 5 (май).

Чехов: *Чехов Н.* К истории метода комплексного преподавания // Народный учитель. 1924. № 3 (март).

Шейнберг: *Шейнберг А.* О местной книге // Советской школе новый учебник: Сборник № 6 / Под ред. О. Бема, К. Свердловой и В. Шульгина. М., 1926.

Шульгин: *Шульгин В.* Какая книга нужна школе (Книга не для чтения, а книга для работы) // На путях к новой школе. 1925. № 2.

Эпштейн: Из письма тов. Эпштейна в Госиздат. 10/ I – 1930 г. // Как перестраивается учебная книга. М., 1930.